

Ученики третьего класса (я – крайний справа сверху, Миша (родственник) – справа внизу)

дружным хохотом ударили все остальные ученики. Услышав такой шум, в класс вбежала директор школы Анна Ивановна Козлова. Надо было видеть выражение ее лица, резко меняющееся от непонимания небывалой ситуации: хохочущая и вся в слезах учительница, стоящая у доски испуганная и ничего не понимающая девочка, которой казалось, что она сделала все отлично, и стонущие от смеха ученики класса! И только на другой день учительница сказала: «Ну и здорово же ты, Тоня, поправила великого русского поэта Владимира Маяковского. Был бы он жив, мы бы написали ему, что надо меньше ретироваться, а больше тренироваться», – после чего объяснила значение слова «ретируюсь».

Окончил я начальную школу в 1942 году, получив отличные отметки по русскому языку, арифметике, естествознанию, географии, истории и рисованию, а хорошие – по пению и физкультуре. Почему осталось свидетельство об оконча-

нии начальной школы и его не забрали при зачислении меня в другую школу в 5-й класс, я не знаю. Затем я год не учился. Шла кровопролитная война с фашистами, наши войска продолжали в основном отступать, сдавая деревни, села и города, и надо было работать в колхозе.

8. ВОЙНА, РАБОТА В КОЛХОЗЕ И УЧЕБА В НЕПОЛНОЙ СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ

Некоторые события военных лет я уже описал по ходу представления соответствующего материала, если логично было отразить их именно там. Здесь же дополнительно изложу кое-что, связанное в основном со мной и кажущееся мне существенным.

О внезапном нападении Германии на СССР узнали в деревне только вечером 22 июня 1941 года, когда бригадиры обошли все дома и попросили колхозников спешно собраться у правления. Приехавший из района представитель рассказал о вероломстве немцев, которые внезапно перешли нашу границу, несмотря на существующий мирный договор, стали обстреливать и теснить пограничные

войска и захватывать советскую территорию. При этом ни на один из вопросов он отвечать не стал, но предупредил мужчин в возрасте до 36 лет быть готовыми к скорой мобилизации, добавив, что Красная Армия всех сильнее и под руководством вождя советского народа И. В. Сталина и Наркома обороны СССР К. Е. Ворошилова враг будет быстро повергнут. Я, как и все мои одноклассники, пришедшие к правлению колхоза, будучи патриотически настроенными, даже обрадовались, что разразилась, наконец, большая война, и начали бурно обсуждать предстоящий ее ход и как лихо наши красноармейцы из винтовок и пулеметов станут расстреливать в боях фашистов. Вспомнили прочитанное в газетах: «Непобедимая Красная Армия будет бить врага только на его территории», «На удар врага ответим тройным сокрушительным ударом», и др. Однако взрослые люди сразу настроились тревожно, ибо многие давно понимали неизбежность суровой войны с капиталистическим миром и потому – огромных людских и материальных потерь с нашей стороны. Благодушное заключение представителя не успокоило взрослое население, а, наоборот, насторожило и расстроило. Ведь уже ранее нам угрожали непосредственные соседи – Польша и Румыния. Произошли столкновения с японцами на озере Хасан, потом был Халхин-Гол, бездарная война с Финляндией с колоссальными нашими потерями, которую, как потом оказалось, развязали мы, хотя многократно писали, что якобы финны начали обстреливать Ленинград из дальнобойных орудий. Поэтому первоначально было очень странным, что соответствующие службы СССР заранее не провели разведку и не сообщили И. В. Сталину о сконцентрировавшихся по всей протяженности наших границ немецких войсках. В результате СССР оказался не подготовленным к началу войны. (Позднее стало известно, что разведка неоднократно докладывала Сталину о сосредоточении вдоль границ фашистских войск. Заграничные перебежчики даже называли точную уже объявленную дату нападения немцев на СССР. Патриот-разведчик Рихард Зорге также неоднократно сообщал эту дату, узnanную из разных солидных немецких источников. Но Сталин верил договоренности с Германией о ненападении и не давал команду подводить наши войска к границе, чтобы не «провоцировать» немцев.) Я утром и в обед 22 июня несколько раз слушал радио, но о начале войны ни разу ничего не сказали, только характер передач значительно изменился в минорную сторону. 23 июня пригласили по несколько человек из бригад прийти к 11 часам дня в Дунино прослушать важное правительственное сообщение. Там на столбе висел большой рупор громкоговорителя, подключенного к проводной радиолинии от райцентра. Я и еще несколько мальчишек тоже пошли туда. Собралось много народа из окрестных деревень. Выступил по радио нарком иностранных дел В. М. Молотов (по-видимому, в записи, так как затем оказалось, что говорил он в конце дня 22 июня) со словами о внезапном нападении Германии на СССР, об оказании сопротивления нашей армией превосходящим и хорошо подготовленным войскам врага, однако признал отступление Советской Армии и захват врагом уже существенной части нашей приграничной территории. Закончил он

речь словами: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» Все хотели вообще-то услышать слова И. В. Сталина и удивлялись его молчанию, но, как стало известно через 15 лет, он очень растерялся в начале войны, уехал из Кремля на «ближнюю дачу» и почти 10 дней никого не принимал, не руководил действиями войск и реорганизацией народного хозяйства. Поэтому и пришлось говорить Молотову. Только 3 июля И. В. Сталин выступил по радио, изложив сложную обстановку на фронтах, и призвал партию и народ перестроить жизнь и экономику на военный лад. Однако он не объяснил причин нашей неподготовленности к войне и не назвал виновных.

Мужчин стали призывать в армию уже через неделю, и по истечении месяца деревня сильно обезлюдела. Начали поступать и похоронки. Одним из первых такое прискорбное извещение доставили нашим соседям – Севостьяновым. Выразить свое соболезнование плачущим родственникам пришли почти все сельчане. Затем похоронки стали обычным явлением в течение четырех лет. И хотя потеря знакомых, порой еще молодых людей, тревожила всех души и привыкнуть к этому было нельзя, однако часто смерть стали воспринимать как закономерное и неизбежное зло войны. Правда, в каждой семье надеялись и молились, чтобы их мужчин судьба сберегла.

В первые месяцы войны забрали в военные обозы более 70 процентов колхозных самых крепких лошадей. Поэтому начали приучать тянуть повозки, плуги и бороны колхозных быков и коров. Личные же огородные участки пришлось перекапывать лопатами или запрягать в плуг собственную корову. Естественно, чтобы приучить ее к этому, надо было долго помучиться. Однако мы всячески оберегали кормилицу и потому при посадке картошки весной на своем огороде в соху впрягались мать, сестры и я, делая поочередно длинные борозды. Если семьи были большими, то плуг или соху тянули 5–6 взрослых женщин. Тогда же родилась и частушка с окончанием:

Я вам лошадь, я и бык,

Я и баба и мужик.

В сентябре-ноябре 1941 года немцы стремительно приближались к Москве, стараясь, кроме того, обойти ее с юга через Рязанскую область. Поэтому для организации обороны остановилась в сентябре у нас в деревне воинская часть в составе 180 человек, расставила за огородными участками охраняемые утепленные палатки и антенные мачты, бензиновые движки с электрогенераторами, сделала с помощью колхозников на одном краю деревни несколько блиндажей, окопов и траншей. Мы с ребятами неоднократно ходили к военным посмотреть на их вооружение, и они нас не прогоняли, только всегда просили ничего не трогать. На улице постоянно находился дежурный с биноклем в руках. В палатке работала рация и велись какие-то переговоры. В ноябре немцы вошли на территорию Рязанской области, захватив районный центр Михайлов, находящийся напрямую от нашей деревни на расстоянии 100 километров. Над нами днем начали пролетать на небольшой высоте немецкие самолеты с крестами на фюзеляжах,

и мы, ребяташки, безбоязненно разглядывали их. Но взрослые очень опасались обстрелов и бомбежек своих домов, однако такого ни разу не случилось. Странно, что не произошло ни разу обстрелов и бомбежек палаток воинской части и автомашин около них, хорошо видимых сверху. Правда, и солдаты, имеющие крупнокалиберные пулеметы, тоже ни разу не спровоцировали немцев на это, не стреляли по самолетам. Для меня поведение немецких летчиков и наших военных не понятно до сих пор: как бы соблюдалась договоренность о нейтралитете до первого выстрела с чьей-либо стороны. Хотя знаю, со слов свидетелей, что в Рязани немцы бомбили не раз центральный базар и что были большие жертвы. Однако бои где-то в области или рядом шли, о чем свидетельствовали в разные дни аварийные посадки недалеко от деревни на поле ночью и утром трех поврежденных немцами наших бомбардировщиков с ранеными членами экипажей. Мы с ребятами бегали поглядеть на самолеты и оказать по-возможности помощь воинам. Уже на вторые-третьи сутки приезжали на автомашинах военные ремонтные службы, снимали вооружение и разбирали самолеты на части, которые потом увозили.

6 декабря 1941 года началось контрнаступление наших войск, и врага с территории Рязанской области изгнали. Воинскую часть из деревни сняли, и немецкие самолеты больше не показывались.

Для оказания помощи армии организовали в одном из пустующих домов круглосуточное производство сушеного картофеля, урожаи которого у нас в колхозе всегда получали большими благодаря хорошо удобряемой навозом и торфом почве и севообороту. Картофель варили в больших котлах так, чтобы он оставался полусырым. Затем снимали ножами кожуру, резали каждую картофелину на тонкие круглые доли и сушили на сетках над стальными плитами, разогретыми горящими под ними дровами. Считалось наиболее качественным, если каждая долька оказывалась чуть-чуть поджаренной. Так как в половине случаев картофель варили с добавлением соли, то сушеный картофель так и закладывался в тару с указанием наличия соли или без нее. На заготовке сушеного картофеля не было постоянных рабочих, а привлекали по очереди всех колхозников. Поэтому и мне с другими ребятами пришлось немало поучаствовать в этом деле.

Еще наладили в деревне производство валяных сапог из овечьей шерсти, причем работа здесь шла посменно и потому была круглосуточной. Нас, ребят, часто привлекали для ручного кручения барабанов шерстобойки (чесалки) или раскладки и подачи овечьей шерсти на широкую транспортерную ленту, особенно если кто-то из рабочих заболел или не мог прийти по другой причине. Первоначально было интересно крутить за ручки барабаны с металлическими щетками и наблюдать на выходе за ровным однородным широким и толстым слоем шерсти. Однако работа была монотонной и тяжелой, и интерес быстро пропал. Оставалась только обязанность помогать старшим. Ходил я неоднократно смотреть и за изготовлением сапог, но там всегда было очень жарко и влажно, а, кроме того, стоял очень неприятный запах серной кислоты и распаренной шерсти.

Председатель колхоза Матвей Андреевич (многие звали его «дядя Матвей»), понимая, что надо готовить новые колхозные «кадры», уже в начале июля 1941 года стал лично обходить дома, где были мальчишки в возрасте 10 лет и старше, и в увещательном-приказном порядке обязывал родителей, чтобы ребята выходили на сельскохозяйственные работы и помогали выращивать в колхозе высокий урожай, убирать его вовремя, содержать на сытном корме скот, то есть поддерживать состояние колхоза богатым, как и ранее. А кого и на какие дела направлять, решало правление колхоза. К нам в дом председатель зашел с насаженным на окосие (черенок) «шестиручным» полотном косы и сказал матери и мне, чтобы я через неделю выходил утром в бригаду деда Ивана косить траву около полевых подсохших болот. Полотно насадил на окосие он сам, оно было из качественной, специально отобранной для такого сельхозинвентаря стали с клеймом на полотне в виде трех лебедей австрийской фирмы. Привез он его еще в 1924 году из Германии при возвращении из плена и вот теперь вручил мне. Сказал, что знает о моем умении косить, а вот правильно отбивать косу мне надо еще поучиться у того же деда Ивана. Косил траву я уже с 8 лет, помогая отцу заготавливать сено для скота на выделяемых колхозом делянках или в ближайшем лесу около болот. Однако косы отбивал во дворе на наковальне всегда отец, хотя изредка пробовал и я. Тем не менее дед Иван потренировал меня в отбивке старых кос, а затем вместе со мной отбил и мою косу, после чего заявил о полной моей готовности делать это самостоятельно. С этих пор косьба стала моей любимой работой. Австрийская коса оказалась в самом деле острой, долго не тупилась, и я мало уставал за целый день, хотя вообще-то косьба считается тяжелым трудом.

Но заниматься пришлось не только косьбой и заготовкой сена, а и многими другими сельскохозяйственными делами. По этой причине и по причине резкого уменьшения рабочих рук из-за призыва на фронт молодых мужчин начало учебы в 1941 году перенесли на два месяца позже. Мне особенно нравилось работать на колхозном току, где одновременно находилось большое число людей. Здесь подезжали и уезжали повозки с грузами, стоял шум и гам, председатель колхоза, агроном и бригадиры постоянно выдавали указания и руководили трудовыми процессами. Короче говоря, все было в движении, в динамике. Иногда в короткие перерывы давали хлеб и молоко «с колхозного стола». Я с удовольствием работал здесь на веялках. Это громоздкие установки (с современную автомашину типа «Камаз») с большими ручками с обеих сторон, которые надо было энергично крутить двум или сразу четверем работникам, чтобы трясти в ней несколько размещенных одна над другой решеток (выше я уже писал об отсутствии у нас электросети). На верхнюю сыпался из ковша вместе с примесями поток зерна, последовательно пересыпающегося затем через решетки сверху вниз и одновременно продуваемого в пространствах между решетками струей воздуха, создаваемой своеобразным вентилятором, вращаемым приводом от тех же ручек. Струей уносились из зерна легкие примеси от колосьев, мякины, травы, земли. Поэтому около веялок стояла плотная пыль, лицо становилось быстро черным,

как у шахтеров, белели только зубы. Конечно, надо было закрывать нос и рот тканью (платками) для защиты дыхательных путей, но не все это соблюдали. Приходилось часто умыться. Зато пыль служила забавой для совсем маленьких детей, еще не привлекаемых к работам, но которые приходили на ток вместе с родителями. Дети бегали невидимыми в этой пыли, играя в догонялки, и выскакивали из нее в разных местах. Периодически веяние останавливалось для очистки решеток или их замены в зависимости от обработки культуры – ржи, пшеницы, овса, гречихи и др. Пыль за это время рассеивалась, и видны были все «горнякские» лица, что служило предметом различных шуток и розыгрышей. Вообще-то верчение ручек веялки было очень тяжелым трудом. Поэтому через каждые 10–15 минут «крутильщики» сменялись.

Еще любил я работать на механической молотилке, барабан которой вращался с помощью широкого замкнутого ремня, надетого на шкив зафиксированного на стоянке трактора с работающим мотором. Подача в барабан стеблей с колосьями злаковых культур всегда считалась престижной работой и проводилась в мирное время назначаемыми только председателем физически крепкими и психически устойчивыми мужчинами. От опыта и навыка однообразной подачи зависело качество обмолота колосьев и количество потерь зерна, а соответственно и средний урожай с каждого гектара. При этом, с одной стороны, для ускорения обмолота (а он обычно длился 7 дней) надо бы подавать как можно больше колосьев в барабан, а с другой – ухудшало степень выбивания зерен из колосьев, что и может застопорить вращение барабана и привести к сбросу со шкивов приводного ремня или заглушить трактор из-за излишка намотанных на барабан стеблей. Кроме того, из-за разного размера колосьев и состояния их влажности надо было оперативно принимать решение о режимах обмолота. Работа подающего считалась и очень опасной, так как при некотором отвлечении внимания могло затянуть в барабан руку или рукава одежды, и тогда травмы или большей беды не избежать. И такие случаи бывали.

Вот это ответственное дело в период войны стали доверять мне и еще двум ребятам моего возраста. Ты как подающий стоишь на высоком постаменте, сосед справа быстро разрезает острым ножом на длинном металлическом столе связки направляемых ему снизу снопов и передвигает их тебе, а ты расстилаешь на полке стебли растений и равномерно совываешь их по всей ширине в «окно» быстро вращающегося барабана с большим числом металлических выступов. Снизу сбоку из лотка молотилки сыплется зерно в мешки, по темпу наполнения которых бригадиры судят об эффективности действующих лиц на полке молотилки и не пора ли заменить их свежими силами.

Нравилось мне еще пасти колхозных телят и свиней, но на эти работы претендовало много ребят, и надо было выиграть своеобразный конкурс. Мне это удавалось два раза. Привлекало здесь то, что ты с помощником целый день на свежем воздухе у реки или в поле, а матери начислялось в колхозную книжку полтора трудодня в день. Кроме того, выгон такого скота производился

в 7–8 часов утра, то есть не так рано, как коров, овец или лошадей, и можно было выспаться. Вышедшее со скотных дворов стадо сопровождалось до реки и затем по берегу загонялось на узкий (150–200 м) травянистый полуостров, выступающий в Пру примерно на 600 метров. Запустив туда стадо, можно было далее не беспокоиться до вечера, ибо здесь хватало и травы, и воды. Обычно из деревни приходили к пастухам ребята меньшего возраста, мы много вместе купались и баловались в реке, играли в военные игры, прячась в вырытых в крутых склонах берега реки и оврагов пещерах. На обед домой не ходили, так как ловили в реке рыбу и варили уху, собирали яйца диких птиц, пекли в тлеющих углях и золе картошку, ели щавель, дикий лук, цветки клевера и другие травы. Дни пролетали незаметно.

После окончания начальной школы в 1942 году я год не учился, так как надо было работать в колхозе из-за нехватки «крепких мужских рук». Поэтому председатель договорился с районными властями, что все окончившие 4 класса учиться далее по меньшей мере год не будут. В этот год пришлось осенью и весной удобрять поля неорганическими растворами, заправляя ими поливочную установку, прицепленную к трактору или перевозимую по полю лошадьми; зимой вывозить навоз на поля на санях; летом перевозить с лугов сено и т. д. Подряжался я и в помощники к трактористам пахать землю. В мои обязанности входило сидеть на сцепке между трактором и плугом и, когда трактор в конце поля выезжал на луговину для разворота, я должен был резко за рычаги поднять все лемеха (обычно их пять) плуга для сохранности луговины (траву на них косили на сено), а как только трактор вновь оказывался на пахотном поле, должен был четко на его краю опять рычагами опустить лемеха (позднее подобные рычаги ввели в кабину тракториста и лемехами можно было управлять из кабины). Иногда, когда поле было длинное (у нас называли его «загон»), я влезал на ходу в кабину тракториста или стоял на одной из боковых площадок (в зависимости от типа трактора), а в конце поля вновь спускался на сцепку. Некоторые умелые трактористы так организовывали пахоту, что только в начале требовалось управлять рычагами, так как дальше пахота шла без выездов на луговины.

А как-то пахали далеко от деревни, где на одном участке пашни плуг иногда поднимал на поверхность земли крепкие однородные осколки камней, называемых у нас кремнями. Во время войны достать спички было трудно, и такие камни использовали как «огнива» (кресала) для получения огня. Каждая хозяйка в доме и курильщик имели кремень с острыми гранями, кусок напильника, закрепленного загнутыми гвоздями на деревянном держателе, и плотно свернутый из хлопчатобумажной ткани круглый трут с обгоревшим концом. Трут обычно этим концом вставлялся в полость металлической ружейной гильзы и так переносился и хранился. Приставляя обгоревший конец трута к кремню и скользяще ударя боковой гранью напильника по краю кремня, высекали искры, попадание которых на трут вызывало локальное его тление. Раздувая ртом этот очажок, получали горячее тление по всему поперечному сечению трута, а от него уже

можно было зажечь кусок бумаги, лучину, бересту или сухую траву. После этого трут тлеющим концом вставлялся туго опять в полость патрона, где он без доступа воздуха гас. Практически каждый мальчишка в возрасте 7 лет уже имел такое кресало и умело пользовался им. От твердости кремня зависели количество и температура искр с одного удара по нему напильником, а также долговечность граней. Вот на указанном участке и попадались такие качественные кремни, которые можно было обменять на что-то нужное у сверстников или подарить кому-нибудь из ребят. Поэтому я при каждом подходе трактора к участку с кремнями соскакивал со сцепки и высматривал подходящие грязные камни, собирая их в карманы для последующей отмывки и окончательного определения качества кремня. А за участком снова забегал вперед плуга и запрыгивал на сцепку. Хотя это было и опасно, но все сходило с рук и вошло уже в привычку. Но однажды я споткнулся и упал перед плугом, инстинктивно уцепившись тут же руками за какие-то передние его части. Одно из колес плуга с пластинчатыми металлическими грунтозацепами на его внешнем ободе проехало ниже колен по икрам моих обеих ног, и они оказались под плугом близко к режущим и переворачивающим землю острым кромкам лемехов. Я начал громко кричать, надеясь, что водитель услышит, но грохот мотора заглушал мой голос. Так меня какое-то время и тащило на спине по грунту с окровавленными ногами, и сделать я ничего не мог, только думал о том, как долго я еще так продержусь и как сильно меня искорежит лемехами. И вдруг я услышал сбоку истошный женский крик, и трактор сразу остановился. Водитель спрыгнул из кабины, с трудом вытащил меня из-под плуга и увидел порванные штанины и сквозь дыры – кровь вместе с землей на ногах, а также голую и сильно ободранную грязную кожу на спине. Когда он приподнял меня (стоять я не мог из-за сильной боли), я оглянулся и увидел недалеко на пашне молодую женщину в красном фартуке с небольшой холщовой сумкой в руках; она и подняла крик, перекрывший шум мотора. Дальнейшее я не совсем все представляю. Водитель втащил меня в кабину и погнал на максимальной скорости в деревню к нашему дому. Было обеденное время, и мать уже пришла с поля. Увидев меня окровавленного на руках тракториста, но живого и говорящего, она не упала в обморок, а, оценив степень опасности, быстро сняла с меня изодранные штаны и остатки рубашки, поняв, что колени ног целы и только искромсаны икры, попросила водителя скорее ехать за фельдшером в медпункт в Дунино. Затем она холодной водой промыла мои раны, смазала их керосином (йода или водки дома не имелось), завязала раны на ногах чистыми тряпками и положила на кровать, укрыв одеялом. Примерно через час прибыла молодая фельдшер. Она подтвердила, что ноги и ребра целы, сделала какие-то уколы, смазала раны неприятно пахнущими и жгучими мазями, наложила на ноги и спину марлевые повязки и приказала мне лежать на животе, не вставая и не переворачиваясь на спину. Она (звали ее Валя) похвалила мать за обеззараживание ран керосином и ежедневно навещала меня в течение недели, опасаясь загноения ран или даже заражения крови, делала перевязки. Родствен-

ники и соседи тоже заходили к матери, предлагая посильную помощь. Несколько раз забегал проведать меня и тракторист. Видя такое отношение всех ко мне, я чувствовал себя как бы совершившим некий героический поступок, выбравшись живым из-под лемехов плуга. Не помню, почему в эти дни дома не было сестер, но мать ежедневно выходила на колхозные работы. Я же быстро поправлялся, уже на четвертый день втайне от всех начал вставать и с трудом передвигаться по дому. А через 10 дней фельдшер сняла по моей просьбе все повязки, и я стал помогать матери по хозяйству, хотя корки с ран сходили еще в течение месяца. Но вот вопросы без ответов остались у меня до сих пор: «Откуда и зачем появилась на том дальнем поле женщина – моя спасительница? Куда она шла по свежей пахоте? И вообще, кто она такая? Как оказалась близко к трактору? Ведь будь она чуть дальше от него, она не увидела бы меня, а я уже и не кричал тогда?» Мать пыталась что-либо разузнать об этой женщине, чтобы отблагодарить ее, но та так и не объявилась. Тракторист, местный житель с поврежденной ногой, тоже эту женщину никогда в окрестных деревнях не встречал.

Произошел еще один опасный для меня случай, тоже связанный с трактором. Во время войны из-за дефицита бензина и керосина двигатели тракторов переделали для работы на газогенераторном топливе. Для этого каждый трактор сзади кабины оснастили вертикально закрепленным металлическим баком, связанным с цилиндрами двигателя металлическими трубками через соответствующий распределитель. В бак следовало периодически засыпать через верхний герметично закрываемый крышкой люк короткие деревянные чурки, при тлении которых при высокой температуре без доступа воздуха образовался горючий газогенераторный газ. Вот меня и определили на такой гусеничный трактор для засыпки чурок. Стоять я должен был высоко на площадке около бака. Площадка имела спереди и сзади металлические поручни, причем передние были выше кабины, а задние – несколько ниже. Колхозники распиливали двуручными пилами сухие стволы деревьев, кололи чурбаки на мелкие чурки и привозили их на телегах в поле к месту работы трактора. Так мы и пахали несколько дней, приезжая на обед в деревню, отцепив в поле плуг. А на окраине деревни имелись ограды, которые перекрывали выход в поле домашнему скоту, особенно свиньям, которых свободно выпускали со дворов на улицу пощипать траву и покупаться в грязи. В каждой ограде имелся П-образный бревенчатый створ с навешенными на него открывающимися воротами для прогона скота и проезда конных повозок и тракторов. Как-то тракторист решил выехать в поле из деревни через другой ее конец, и, по-видимому, здесь верхнюю бревенчатую перекладину створа слабо закрепили на одном из столбов, и располагалась она ниже, чем такая же перекладина на другом конце деревни. Трактор при выезде задел ее передними поручнями, приподнял и снял с одного из столбов; перекладина повисла одним концом на этих поручнях, поворачиваясь на другом столбе по мере проезда трактора за ворота. Так как я стоял на площадке около бака и смотрел назад на деревню, то ничего этого не видел. В какой-то момент державшийся на поручнях конец пере-

кладины соскользнул и придавил мне сверху шею к задним поручням. Я ничего сделать с тяжелым бревном не мог и начал задыхаться. Трактор между тем продолжал ехать, один конец перекладины медленно поворачивался на столбе, как на шарнире, другой конец лежал на моей шее и тоже постепенно сползал вниз прямо по голове, сдирая кожу и волосы. Побежали вдруг у меня перед глазами яркие цветные картинки летних солнечных дней, как будто показывали в кино эпизоды из моей еще совсем короткой жизни. Сколько это длилось по времени – не знаю. Очнулся я на земле, только что виденные красивые разноцветные картинки про себя и своих родных исчезли; впереди трещал трактор. Руки и ноги двигались, ребра не болели, крови не было, только сильно кружилась голова и болела ободранная шея. Приподнявшись и оглядевшись, я начал что-то соображать о случившемся с учетом валявшейся за воротами на земле перекладины. Она, эта перекладина, тогда прижала мою шею к задним поручням и сдавила гортань, в результате чего прекратился доступ воздуха к легким, и возможно (это я понял позже), была пережата сонная артерия. Я потерял сознание и какое-то время находился в состоянии клинической смерти. Наверное, удар о землю и вывел меня из комы, восстановил дыхание и ритмику сердца. Много позже я догадался, что падал я как мешок с опилками, не напрягая мышц. Такое случается с сильнопьяными людьми, которые, падая, остаются совершенно невредимыми. Здорово и повезло в том, что не зацепило меня за одежду задними траками гусениц при падении, а главное, не раздавило поручнями гортань, хотя неприятные ощущения чувствовались потом еще несколько лет.

Памятным и не совсем понятным осталось и такое событие в годы войны. Поздней осенью 1941 года появилась в деревне добротная конная повозка, в которой сидели двое – худощавая высокая женщина и крупный мужчина с протезами вместо ног. В повозке были чемоданы и мешки с домашним скарбом, укрытые брезентом. Пара сняла себе комнату у одинокопроживающей колхозницы недалеко от нас. Приезжие рассказали, что они сбежали из оккупированной немцами территории. Эвакуированных людей уже много прошло тогда через нашу деревню, кто-то из них отправлялся дальше, кто-то задерживался на некоторое время. Поэтому новым селянам никто не удивился и не любопытничал. Однако таким людям население сочувствовало и всячески помогало. Василий Васильевич (так звали приезжего) сообщил, что он учитель физики и останется с женой пока жить в деревне. Он съездил в районный центр Спас-Клепики на какие-то переговоры, встал там на партийный учет в райкоме и затем развернул в деревне бурную деятельность среди населения по оказанию еще большей помощи продуктами нашей армии и повышению эффективности труда колхозников. Стали выпускать под его редакцией стенную газету, которая вывешивалась в клубе. К оформлению газеты он привлек и меня, как умеющего рисовать. Я написал на полотнах серию плакатов типа «Все для фронта, все для победы!», которые затем повесили на улице. Развернулись соревнования колхозников с общим подведением итогов на вечерних собраниях в клубе и награждением победителей продуктами.

Стали приезжать лекторы с информацией о положении на фронтах и в стране, а также работники военкомата и какой-то воинской части для ознакомления ребят с советским и даже немецким оружием. При получении похоронок Василий Васильевич всегда приходил выразить сочувствие и утешал родных. Мне учитель разрешил заходить при необходимости к нему домой без стука и предварительного согласия, что я часто и делал. Я проникся к нему огромным уважением за его такую активную деятельность. Как-то, войдя неожиданно в его комнату, я застал его чистящим боевой пистолет. Я был этим обескуражен, так как все оружие гражданское население обязали сдать на хранение еще в начале июля (мы сдали старое шомпольное двустольное ружье и берданку), а тут на руках был даже пистолет, который простые граждане вообще не должны иметь. Учитель же сделал вид, что ничего курьезного не произошло, и говорил со мной, продолжая обрабатывать детали и собирать пистолет (в их типах я не разбирался). Сказал, что ему разрешено иметь оружие, но добавил, чтобы я об увиденном никому ничего не говорил. В другой раз я застал его с радиопередатчиком, размещенным под кроватью вместе с аккумулятором (деревенское население заставили сдать большинство детекторных приемников, зачем – непонятно). Связь он тут же прекратил и снял наушники, а меня попросил молчать и об этом. Активная жизнь Василия Васильевича продолжалась до мая 1942 года. Однажды рано утром в мае разбудила меня мать и, показывая через окно на вооруженных солдат, окруживших учительский дом, сказала, что, наверное, учитель приготовил для деревни что-то необычное с участием военных. Мне захотелось первым среди мальчишек узнать это новое мероприятие, и я смело пошел к нему. Но около дома меня остановил солдат с винтовкой, сказав, что туда нельзя. «А я всегда в дом к учителю хожу», – ответил я и направился вперед. Солдат опять задержал меня и, посмотрев кругом, тихо сказал, что тут жил крупный немецкий шпион, они прибыли арестовать его, а он ночью куда-то сбежал. Сейчас в доме идет обыск. Я вернулся домой удивленный и все рассказал матери. Она начала охать и говорить, что такой хороший человек не может быть шпионом и что все что-то не так. Позже хозяйка дома, где жил учитель, рассказывала, что накануне вечером квартиранты спешно собрали имущество, запрягли свою лошадь, попрощались с ней, пообещав быстро вернуться, и уехали. Долго затем в деревне обсуждали в открытую этот слух о шпионе, который официально никто не опроверг и не подтвердил. Был ли он действительно учителем и Василием Васильевичем – так и осталось для селян загадкой. А если и был шпионом, то, значит, у него, по меньшей мере, в райцентре имелись среди руководства сообщники, которые и доложили ему как-то (по рации?) о готовившемся аресте. Я же о виденных у учителя оружии и передатчике молчал почти три десятка лет, так как, с одной стороны, продолжал верить ему, а с другой – опасался наказания за доноительство.

В 1943 году ситуация на фронте значительно улучшилась. Отец был жив. Он находился на фронте в саперных войсках передового базирования, его два раза уже ранило, письма присылал, просил ждать его и чтобы я обязательно по-

могал матери и хорошо учился. Мы, мальчишки, радовались наравне со взрослыми успехам наших войск и по-детски бурно обсуждали новые победы. Крупное поражение немецких войск около Ростова и его освобождение от оккупантов подвигло меня на написание по этому случаю «стихотворения», которое я отправил в редакцию газеты «Пионерская правда». Начиналось оно так:

*Как немецкие полки
Растеряли все портки.
От Ростова наутек
Дали деру без порток.
Впереди них генерал –
Он и рубашку потерял.*

...

Через какое-то время я получил из редакции благодарственное письмо за сочиненное «с патриотическими чувствами стихотворение», только они его не опубликовали из-за «некоторого несовершенства рифм и стиля». Однако якобы это письмо натолкнуло редакцию на мысль в каждом номере газеты специально излагать понятным для детей языком больше событий на фронтах войны. А меня попросили продолжать учиться и тренироваться писать заметки и стихи для газет.

В связи с улучшающимися событиями на фронтах я посоветовался с матерью, и она подала документы с просьбой принять меня на учебу в Тюковскую неполную среднюю школу в 5-й класс. Но в летние каникулы я продолжал работать в колхозе. Интересно отметить то, что председатель колхоза завел на меня уже в 1941 году самостоятельную трудовую книжку, хотя по закону не имел право этого делать до достижения мною возраста 14 или 16 лет. Когда в 1993 году издали указ о награждении всех, кто проработал на производстве или на сельхозработках более года во время войны, медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», то районный архив Спас-Клепиков прислал по запросу в Саров копию этой книжки, и я был награжден данной медалью. А если бы по закону мои заработанные трудовые записывались в книжку матери, то я медаль бы не получил, хотя и заслужил ее. Так что огромное спасибо мудрому предколхозу Матвею Андреевичу. Наверное, он исходил из того, что хуже не будет, если действительно заработанное в тяжелые годы человеком записать именно на него, даже нарушая трудовое законодательство и Конституцию СССР.

В целом же нужно отметить, что, благодаря умелым действиям и предусмотрительности руководителя колхоза, обученному эффективному ведению сельского хозяйства немцами, когда он находился у них в плену в период 1917–1924 годов, жители нашей деревни не голодали в войну, потому что было вдоволь хотя бы картошки. Много сельхозпродукции сдавали государству. Выдавали на трудовые понемногу рожь, пшеницу, овес и гречку. Председатель обязал двух пожилых умельцев изготовить для сельчан несколько ручных мельниц (жерновов) для

помола зерна. Из сухих деревьев диаметром около 80 сантиметров выпиливались «колоды», в верхней из которых делалось по центру засыпчное отверстие, а от него по радиусам вбивались в смежные торцы спилов осколки от чугунной посуды так, чтобы их края выступали над поверхностью дерева миллиметра на полтора. Также осколки вбивались и в нижнюю колоду. Затем эти края вручную плоскими брусками или на круглых брусках, тоже вращаемых вручную, выравнивались в одной плоскости. Нижняя неподвижная колода закреплялась на каком-то надежном основании, верхняя – устанавливалась над ней. К верхней прибавалась снаружи вертикально круглая деревянная ручка для вращения этой части мельницы. Нижняя колода оборудовалась по окружности наклонным металлическим лотком для сбора помола. Наш сосед дядя Коля изготовил себе такую же мельницу, и я с сестрами изредка молот у него понемногу какие-либо зерна. Примерно через полгода дядя Коля вспомнил, что у него где-то в амбарах завален разным скарбом еще дореволюционный жернов с колодами из плоских тяжелых камней цилиндрической формы. Он его разыскал, очистил, отмыл и установил. На нем мука получалась уже с первого помола более мелкой, а процесс производительнее, хотя вращать верхний камень было труднее. Из одной только муки мать хлеб не пекла (иначе ее не хватило бы на год, у нас говорили «до нови»), а обязательно с добавлением тертой вареной или сырой картошки. Из овсяной муки, которая получалась с примешиванием наружной шелухи, варили в основном молочные кисели и пекли блины. Предварительно такая мука заливалась водой, отстаивалась, частички зерна тонули, а шелуха всплывала вверх и удалялась (также готовилась мука из гречки для каши или блинов). Но чаще всего пекли блины-драчены из тертой сырой картошки. С добавлением молока и немного крахмала получалась очень вкусная еда. И почему сейчас их не делают?

Грибы тоже являлись хорошим подспорьем. Лесов в округе было много, и грибы собирали с весны до глубокой осени. Только самые ранние, нередко вылезающие еще при лежащем в низинах снеге сморчки и строчки не брали, считая их ядовитыми. Моховики и козляки сельчане тоже считали подозрительными, как и валуи со свинушками. Благородные грибы – белые, подосиновики, подберезовики, маслята – употребляли в пищу вареными, их мариновали, сушили; рыжики – только вареными и солеными. А вот грузди и подгруздки попадались редко. И если до войны гладыши (у нас их называли «молоканники» за появление белого сока на срезе ножки) не собирали, а их особенно много водилось в лиственных лесах, и они не поражались червями, то в военное время практически каждая семья приносила полные кошелки этих грибов домой и заготавливала их холодным солением в больших деревянных бочках. Они неудобны тем, что для удаления острого горького сока требовалось гладыши сначала вымачивать два-три дня, потом перебирать и сортировать и снова вымачивать, заливая их холодной чистой водой и меняя ее несколько раз до исчезновения горечи. Зато после качественной засолки с укладкой укропа и лаврушки на дно бочки или на промежуточные ряды грибов шляпками вверх при окончательном придавли-

вании сверху деревянным кружком с большим грузом (гнетом) и последующей выдержки в течение не менее 20 дней получалась вкусная еда с постным маслом и с мелконарезанными чесноком и луком или приятная добавка к картофельным блюдам.

В окрестных же деревнях, имеющих подобные нашим почвы, народ в войну голодал или жил очень бедно из-за неправильного ведения дел председателями колхозов, неумения доказать свою точку зрения. Население этих деревень ходило весной даже по нашим картофельным полям, собирая промерзшие оставшиеся в земле картофелины, из которых получался только темный крахмал. В войну руководство района требовало практически весь годовой колхозный урожай сдавать государству (а с руководства требовали вышестоящие инстанции), не оставляя даже семенной фонд на следующий год, исходя из того, что придет весна и начнем думать, где достать семена. Так и было в соседних хозяйствах. Наш же предколхоза всегда до хрипоты отстаивал свою точку зрения, что война будет идти не один год, а зима пролетит быстро, и нужны будут семена не абы какие, а районированные, проверенные именно на наших почвах и высокоурожайные. Плюс ко всему колхозники не должны обессилить к весне, потому что работать предстоит каждому за несколько человек. В совокупности это позволит заготовить и сдать стране гораздо больше продукции. И предколхоза каждый раз оказывался прав, хотя ежегодно получал выговоры по партийной линии за непонимание «государственной политики», а затем ряд благодарностей за высокие урожаи и сверхплановую сдачу продукции.

После годичного перерыва я начал учиться в 1943 году в неполной средней школе («семилетке») в большой деревне Тюково, к которой примыкали с одной стороны еще две деревни – Шакино и Карпово, с другой – Тетерино. Школа находилась от нас весной, летом и осенью на расстоянии 9 км. И это потому, что Тюково отделяло от нас и соседних деревень Алтухово, Лебедино и Нефедово озеро Лебедино, имеющее ширину около двух километров. Озеро соединялось с рекой Прой протокой Грязнухой длиной примерно полтора километра, протекающей через пойменную болотистую низменность, заливаемую весной водой при разливе Пры. Вода уходила с поймы обычно в начале мая. Протока имела обрывистые берега, ширину – от 6 до 12 метров, глубину – до 3 метров. Поэтому весной, чтобы попасть в школу, требовалось обойти почти вокруг озера через Алтухово, Лебедино, Нефедово и Карпово на входе в Тюково. Путь через эти деревни и составлял указанный километраж. Весной при разливе Пры я иногда преодолевал водную преграду напрямую на лодке, сокращая время в пути до одного часа вместо обычных двух часов. Но для этого надо было сильно отталкиваться веслом ото дна на мелких местах разлива или интенсивно грести веслом на глубине. Поэтому по достижении берега озера у Тюково напротив школы чувствовалась некоторая усталость, которая, однако, по молодости лет легко проходила. Лодку я привязывал цепью с замком к какому-нибудь вкопанному в грунт у берега столбу, которые ставили местные рыбаки для закрепления своих лодок.

Не было случая, чтобы угоняли мою лодку, хотя подобное с другими лодками иногда происходило.

В сентябре и октябре путь тоже можно было сократить, для этого надо было у поймы снять обувь и брюки и идти босиком около полутора километров по некоему подобию тропинки к протоке по мокрому, вязкому и топкому (местами до колен) грунту. Через Грязнуху жители Алтухова обычно сооружали узкий с перилами дощатый мостик на двух промежуточных бревенчатых опорах. Мостик делали выпуклым (горбатым) вверх, чтобы под ним свободно проплывали по протоке на лодках из озера к Пре и обратно жители окрестных деревень. Этот мостик всегда сносило весной при ледоходе. Иногда восстанавливали мостик с задержкой. Тогда приходилось раздеваться у протоки наголо, переплывать ее два раза туда и обратно, чтобы доставить на противоположный берег сухими сумку с учебниками и тетрадами, а затем – одежду и обувь. Я неплохо плавал и мог высоко над водой одной рукой держать ношу, а другой рукой грести. Переправив все и выйдя на берег, надевал часть одежды на мокрое тело и шел разутым еще полкилометра до берега, где и начиналось Тюково, но уже с другого конца, чем это описано выше при обходе озера вокруг. Говорили, что неоднократно, когда через протоку переправлялись таким образом взрослые, какие-то люди на берегу хватили их одежду и убежали с нею в кусты или садились в лодки и уплывали по озеру. Со мной подобного не случалось, но подозрительных людей около протоки я несколько раз встречал. Поэтому я всегда вначале переправлял через протоку портфель, а затем плыл с одеждой и обувью. Поздней осенью и в начале зимы после появления толстого льда на протоке ученики использовали этот путь в школу. Но после образования глубокого слоя снега тут уже никто не ходил, и тогда надо было идти в Алтухово и далее санной дорогой по льду через озеро. Общее расстояние составляло около четырех километров. Нередко в начале зимы я бегал в школу на коньках по льду Пры, Грязнухи и озера, а после выпадения снега – на лыжах напрямую по самому короткому пути.

В связи с такой удаленностью школы учился из мальчишек нашей деревни только один я и еще три девочки. Но в Алтухово я заходил за одноклассниками, и далее до школы мы шли уже такой группой. Одним из них был Николай Пронин, второй – Иван Жильцов. (Заходя утром к Жильцовым в дом, я нередко видел их отца – инвалида войны. Он не имел рук и ног, да к тому же был слепым. Очень жалко было видеть такого беспомощного человека.) После школы и такой длинной дороги, особенно при обходе озера, оставалось мало времени для каких-либо развлечений, а только на подготовку уроков при свете керосиновой лампы и некоторую помощь матери по домашнему хозяйству. Дома в мои обязанности входила доставка вечером дров из крытой поленицы для русской печки и для «голландки» в холодное время и зимой. Если же не было готовых поленьев, то надо было напилить чурбаки на козлах двуручной пилой с какой-либо из сестер (по воскресеньям) или опять же с матерью, а затем расколоть топором или колуном чурбаки на поленья.

Тем не менее учился я в школе с удовольствием, практически по всем предметам на «отлично». Жаль, что не сохранились табели успеваемости за пятый и шестой классы или свидетельство об окончании Тюковской школы.

Мои старшие сестры – Клавдия и Валентина – тоже закончили Тюковскую школу. Но в связи с дальней дорогой родители предпочли на время учебы снять им в Тюкове жилье у очень дальней родственницы. Я же жить там не захотел, а мать и не стала настаивать. Она даже обрадовалась, что я каждый вечер буду с ней дома и в чем-то помогу ей. А кроме того, не имелось в семье лишних денег для оплаты жилья. Еще считалось, что деревенские ребята в этом возрасте уже довольно самостоятельные, и с их собственным мнением следует считаться.

Моя хорошая учеба в школе доставила мне и ряд неприятностей. Большинство учеников уже в шестом классе и в начале седьмого написали заявления и их приняли в члены Ленинского Коммунистического Союза Молодежи (тогда говорили: «в комсомол»). Я же этого делать не спешил. И как-то однажды меня пригласили на педагогический совет, где директор школы Стороженко Елена Семеновна (это имя я запомнил на всю жизнь), строгая учительница алгебры и геометрии, задала мне сразу вопрос в лоб: «Почему ты не вступаешь в ряды комсомола? Ведь это дело чести каждого молодого человека – строителя лучшего в мире будущего коммунистического общества? К этому призывают Компартия СССР и лично вождь мирового пролетариата товарищ Сталин!». И далее начались агитационные высказывания в мой адрес других членов педсовета. Я заранее не знал, зачем меня сюда пригласили, и потому обосновать логично свое нечленство в комсомоле не смог. До этого тоже никогда не задумывался о необходимости или ненужности быть комсомольцем, дома, по-моему, и разговоров-то об этом никогда не вели. А посему я по-детски просто ответил: «Не знаю, почему». Эх, что тут началось! Первой громко запрочитала завуч школы Василевская Екатерина Алексеевна, хорошая и уважаемая мною учительница русского языка и литературы: «Он, отличник, не знает! Он до сих пор не в рядах передовой молодежи!» – и так далее. Наконец, я выдавил из себя: «Просто пока не хочу». И снова натиск. «Все хотят, да не всех принимают! А он, видите-ли, не хочет!» – и тому подобное. Наконец, директор подошла ко мне, посмотрела гипнотизирующе и произнесла: «Иди и подумай, а завтра будь у меня в кабинете». Вернувшись из школы, я матери ничего не сказал, а на следующий день после уроков зашел с огромнейшим нежеланием к директору, женщине крепкой и выше среднего роста. «Ну, принес заявление?» – сразу спросила она. «Нет», – робко произнес я. «Как, нет? – подскочила она, уперев кулаки в бока (любимая ее поза). – Сколько мы с тобой будем канителиться?». И вдруг неожиданно схватила меня левой рукой за плечо, повернула к себе боком и несколько раз ударила достаточно больно по шее. «Иди и в последний раз крепко подумай», – завершила она экзекуцию и грубо пинком под зад вытолкнула меня за дверь в коридор. Такому насилию я так возмутился, что в знак протеста решил ни за что не вступать в комсомол. После этого я стал по возможности избегать проходить мимо директорского кабинета,

тем более даже случайно встречаться с ней (в нашем классе Стороженко уроки не вела). Однако меня еще два раза насильно приводили в кабинет, где мне снова попадало, но я уже был готов к этому и посему крутился и сам защищал части тела руками. Последний раз это произошло перед получением свидетельства об окончании школы учеником-отличником, но не комсомольцем. Не знаю, «агитировали ли» кого-либо еще такими приемами «добровольно» вступать в комсомол. Я эту тему ни с кем не обсуждал и никому об этом не рассказывал, ибо такие воспоминания мне были неприятны и обидны. А вообще тюковская школа считалась в районе образцовой по квалификации преподавателей и качеству обучения, количеству отличников и хорошистов, по дисциплине и участию учеников в различных культурно-массовых и спортивных мероприятиях. Я боялся, что мне снизят общую оценку по поведению в свидетельстве, но этого не случилось, возможно, из-за активного моего участия в жизни класса и школы в течение всех трех лет. А снижение указанной оценки даже до «хорошо» грозило значительными неприятностями при предъявлении свидетельства в случае продолжения обучения в средней школе или при поступлении в техникум. Наиболее вероятно, что меня защитила наш классный руководитель и одновременно преподаватель географии, с которой у меня были хорошие отношения. Во-первых, она была знающий и квалифицированный педагог, во-вторых, этот предмет я просто любил. Всегда тянул руку для ответа на уроках, часто выступал в классе с сообщениями о различных странах, их особенностях и обычаях населяющих их народов, о различных путешественниках. Все это я узнавал из прочитанных мною книг из школьной библиотеки и взятых у знакомых людей. Рисуя цветными карандашами и акварелью копии известных картин и портреты вождей, я был постоянным оформителем классных и иногда школьных стенных газет.

Географией же увлекся я потому, что, наряду с мечтой получить в будущем специальность художника или радиоспециалиста, я думал стать, может быть, геологом. В нашей деревне на другом порядке почти напротив нашего дома жила семья Петровых, один из сыновей которых – Евгений – учился в Саратовском геологоразведочном техникуме. Евгений был старше меня на 4 года, но я с ним дружил с детства. Он брал меня с собой в лес собирать грибы или ягоды, знал особенно урожайные их места, учил ориентироваться в лесу по сторонам света, имел наручный компас, в чем я Евгению завидовал. Собирали мы вместе на заливных лугах Пры и утиные яйца, ловили рыбу. В период моего обучения в тюковской школе Евгений приезжал на летние и зимние каникулы в деревню и часто рассказывал про полевую геологическую практику, путешествия по горам и поиск там полезных пород, свои и чужие приключения. Он имел много образцов разных руд и полудрагоценных камней, показывая их мне, увлекательно часами рассказывал истории про их открывателей и места нахождения. Евгений так увлек меня своей специальностью, что я начал мечтать стать геологом, знание географии которому очень полезно и необходимо. А потому думал, что, возможно, буду поступать после седьмого класса именно в Саратовский геологоразведочный техникум.

В Тюкове близко от школы располагалась одна на всю большую округу аптека, в которой я нередко покупал по просьбе матери и ряда жителей деревни лекарства. Это были наиболее ходовые средства, и потому их продавали без рецептов, да и где их в ту пору выписать-то. Меня в аптеке хорошо знали и в отличие от других детей безбоязненно лекарства отпускали. Я обычно бегал за ними в большую перемену, а, принеся в класс и показывая ребятам, немного гордился таким доверием аптекарей.

В нашем классе училось много ребят из Тюково, в том числе Миша Борисов, Александр Козлов, Лев Алексеев. С последним у меня сложились приятельские отношения, и я многократно бывал у Льва дома. Он, как и я, увлекался радиолюбительством, изготавливая и совершенствуя детекторные приемники, и мы обменивались с ним опытом и радиодетальями. Практически одновременно он и я достали по электронной вакуумной лампе – триоду – и смонтировали на них первые ламповые приемники с батарейным питанием. Громкость звучания оказалась достаточной, чтобы отчетливо слышать слова и музыку в доме. Чудо этой техники мы гордо демонстрировали своим деревенским сверстникам. Однако батареи быстро расходовали ресурс и выходили из строя. Приходилось экономить энергию, так как купить такие источники можно было только в районном центре. Я много позже слышал, что Лев в отличие от меня реализовал свои детские пристрастия, окончил какое-то радиотехническое учебное заведение и плавал на больших кораблях по морям и океанам, обеспечивая радиосвязь судов с «землей» и соответствующими службами.

В шестом классе я увлекся астрономией, прочитал несколько раз весь учебник, изучаемый сестрами в средней школе, и всю небольшую литературу по этому вопросу в школьной библиотеке, знал расположение видимых глазом звезд и созвездий. Особенно мне нравилось созвездие «Орион», образуемое своими яркосветящимися семью звездами красивый в очертании контур, стянутый у середины узкой талией. Узнал различия между кометами, астероидами, болидами, метеоритами, леонидами. Часто темными вечерами и ночами я смотрел в небо и видел «падающие звезды». Как-то прочитал о непонятном тунгусском феномене в 1908 году, когда над землей произошел мощный взрыв с радиальным вывалом на большой территории стволов деревьев относительно некоторого центра, последующим свечением в течение трех ночей северного неба и регистрацией во всем мире сейсмических ударных волн. Экспедиции под руководством известного советского минералога и специалиста по изучению метеоритов Леонида Алексеевича Кулика не обнаружили на земле каких-либо осколков метеоритов или даже пыли от них. И мне пришла идея, что это в атмосфере столкнулись «лоб в лоб» на большой скорости два метеорита и потому они полностью сгорели без выпадения чего-либо от них на землю. Я написал об этом письмо упомянутому Кулику – председателю Комиссии по изучению метеоритов при Академии наук СССР, что вот такой вариант явления никто еще не анализировал. Через некоторое время мне пришел в деревню из Академии наук ответ в официальном боль-

шом конверте, что сильно удивило почтальона. В письме сообщалось, что таких столкновений практически не может быть, так как метеориты в небе навстречу друг другу не движутся. А чтобы я знал побольше об этом, то мне вложили в конверт брошюру «Вниманию наблюдателей болидов», которую еще до войны написал Л. А. Кулик, и теперь она переиздана. Сообщалось также, что Кулик ушел в 1941 году добровольцем на фронт, был ранен и погиб в немецком плену.

В литературе о небесных явлениях приводились несколько раз очень образные небольшие рифмованные строки известного поэта Валерия Яковлевича Брюсова, который прославлял творчество разума и отваги человека, представляя образцы научной поэзии с предвидениями. Мне сразу запомнилось одно из его стихотворений:

*Когда стоишь ты в звездном свете,
Смотря на небо, не забудь:
Что эти блески, звезды эти
И те, что слиты в Млечный Путь,
Все это солнца огневые,
Как наше солнце. А кругом
Плывут шары, миры такие,
Как шар земной, где мы живем!*

Позднее я был удивлен еще одним его опусом с чрезвычайно глубоким философским и научным смыслом, написанным в 1916 году, в период бурного обсуждения становления квантовой механики и строения мельчайших частиц материи. Как известно, первоначально, еще до новой эры, за вечно неизменные и неделимые частички веществ, носители их свойств, были признаны атомы. В 1897 году Дж. Дж. Томпсон открыл электроны – самые мелкие частицы, входящие в состав атомов, а Р. Милликен измерил в серии опытов в 1910–1914 годах количественный заряд электрона. Все это в совокупности и подвигло поэта написать следующее:

*Быть может, эти электроны –
Миры, где пять материков.
Искусства, званья, войны, троны
И память тысячи веков.
Еще, быть может, каждый атом Вселенная,
Где сто планет. Там все, как здесь,
В объеме сжатом. А также то, чего тут нет!*

И действительно, в настоящее время считается, что электрон имеет тоже сложную и пока еще до конца непознанную составную структуру.

Война закончилась в 1945 году поражением Германии антифашистской коалицией СССР с капиталистическими государствами. Я в эту пору учился еще в шестом классе. Конечно, были всеобщее ликование и радость. Однако празднование победы омрачалось тем, что в этой бойне из нашей деревни в 75 дворов были убиты 28 мужчин. Почти в каждом втором доме не стало крепкого кормильца

и работника. Такие потери мужского населения очень серьезно сказывались на общем психологическом настрое колхозников. Общие веселые праздники, какие организовывало правление колхоза до войны, уже не проводились, не стало в начале весенней страды обязательных когда-то демонстраций подготовленных к работе сельскохозяйственных машин и техники с прогоном ее по деревне туда и обратно, с гуляниями и выпивкой по этому поводу, плясками и драками. Я коснулся немного послевоенной поры во второй главе при представлении своего отца и его службы в царской армии, РККА и Красной Армии.

В седьмом классе у меня вдруг начала проявляться симпатия к двум девочкам – Тоне и Рите. Чтобы привлечь их внимание, я старался по-возможности быть максимальное время около той или другой на переменах и играх, уроках физкультуры и пения. Я ждал, кто из них первая заметит мое особое отношение к ней и как-то даст это знать мне, тогда я и определюсь с той, единственной. Однако в течение года этого так и не произошло, а сам я постеснялся открыться и высказать словами свои чувства к какой-то из них. После окончания школы пути наши разошлись, хотя я еще долго узнавал о них, милых тогда сердцу моему девочках, зрительные образы которых сохранились у меня до сих пор.

А как-то, 30 лет спустя, будучи в командировке в Рязани, я вдруг вспомнил, что одна из этих девочек училась в техникуме в Рязани и осталась там жить. Я обратился в адресное справочное бюро, и мне нашли ее домашние координаты. Вечером, купив букет цветов и кое-что еще, я с волнением отправился по указанному адресу. Позвонил в квартиру, и дверь открыла она! Я стоял и смотрел, ничего не говоря, а она удивленно разглядывала меня, пытаясь несколько раз что-то сказать и, наконец, произнесла мое имя и пригласила зайти. Дома была она одна, муж находился на работе, сын – в вечернем институте. Посидели, поговорили, попили чая, рассказали о себе, повспоминали школьные годы чудесные, ребят по учебе, но я о моих давних чувствах к ней постеснялся сказать. По взволнованности ее голоса, изредка по какому-то смущению мне показалось, что мое неожиданное посещение растрогало ее, заставило вспомнить прошлое. По-видимому, что-то хорошее осталось и у нее ко мне, но она, как и я, затаила в себе эти симпатии. Конечно, 30 лет, семья и работа уже сделали свое дело, хотя милость, приятный тембр голоса и красивая фигура еще сохранились. Да, права была поэтесса Юлия Друнина:

*Не встречайтесь с первой любовью,
Пусть она останется такой –
Вечным счастьем или острой болью
Или песней, смолкшей за рекой.
Не тянитесь к прошлому. Не стоит.
Все иным покажется сейчас.
Пусть хотя бы самое святое
Неизменным остается в нас.*

Мы мило попрощались, и она очень попросила при случае обязательно звонить и заходить, обещала познакомить меня со своими членами семьи. Я ничего конкретного не сказал, мне было очень грустно. Больше не было подобных встреч, хотя в Рязань после этого я заезжал неоднократно по совместным работам с одним из научно-исследовательских институтов (НИИ ГРП). Сейчас понимаю, что был неправ, заходить надо было обязательно.

9. ПОИСК ВОЗМОЖНОСТЕЙ ПРОДОЛЖЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

После окончания семи классов встал вопрос о продолжении моего образования. А учиться мне хотелось и лучше бы в средней школе, и родители это знали. Правда, окончательно я тогда с моей будущей специальностью все еще не определился. Тем не менее мать и отец, как я позже понял, неоднократно думали о моей судьбе, взвешивая наши семейные материальные возможности. Наконец, когда дома были все, родители собрали семейный совет по данному вопросу. Отец сказал, что вот Анатолий хочет учиться дальше, в средней школе, но ведь Клавдия и Валентина тоже еще учатся в средней школе, и им надо ее закончить, а мы должны, естественно, снимать им жилье и платить за него. И по нашим неоднократным раскладкам нет у семьи средств на обучение Анатолия в школе; мы просто еще такую нагрузку не потянем. Значит тебе, Анатолий, следует поступать в какой-то по твоему выбору техникум. Там платят стипендию, дают продовольственные карточки, будет дешевое, а возможно, бесплатное общежитие. Это все в совокупности станет нам большим подспорьем. Конечно, мы будем тебе по возможности помогать, но в основном продовольствием со своего домашнего подворья. Ты определяйся со специальностью и начинай готовиться к экзаменам. Парень ты деревенский, работать начал рано, многое умеешь и знаешь, уже достаточно самостоятельный. Думаем, что ты найдешь способы иногда подрабатывать. Старайся учиться хорошо, так как знания обязательно в жизни когда-то пригодятся. Гулянками и пьянками не увлекайся, это всегда приводит к плохим результатам. Закончишь техникум и получишь специальность, начнешь работать по ней. Далее сориентируешься и определишься, то ли выбрал на перспективу. Езжай предварительно в Рязань, чтобы на месте ознакомиться со всеми техникумами, экзаменами и конкурсами. Мне возразить что-либо родителям было нечего, и я полностью с ними согласился, понимая сложившуюся ситуацию.

Просмотрев в клубе подшивку областных газет, я узнал, что в Рязани есть три техникума: художественный, сельскохозяйственный и железнодорожный. Недалеко от города в совхозе Варские имеется и ветеринарный техникум. Поэтому через несколько дней я собрался, а родители дали денег на билеты для проезда по железной дороге до Рязани и обратно. С собой взял заплечную сумку с домашней едой на двое суток, ибо без карточек продукты в магазинах тогда не